

ТЕАТР И ГОРОД

НЕДАВНО, в молдавскую сыкатную и промозглую зиму простудился — и тоже потек. «Эка поззия!» — обидится на такую прозу читатель. А я попрошу строку мою не убирать: дело в том, что простудился я, сидючи в театре. Простудился, не снимая пальто и постукивая для сугрева ногой о ногу. Зрители неподалеку не снимали даже шапок. От батареи водяного отопления сивозило стылым чугуном.

А на сцене задники изображали Ривьеру, бризжащие жарким солнцем субтропики. Артисты в легких одеждах в спектакле по легонькой пьеске Пуарро изображали «из ихней жизни» треугольник, что к концу спектакля обретал еще массу углов. Но от этого почему-то жарче не становилось.

— Бедные, ах, бедные! — шептал не то мне, не то в пространство главный режиссер театра Ефим Рубинштейн, сидящий рядом. — Ей-ей, заболеют! Заболеют же... А?

Заболел, однако, я. В пьесе было мало искусства, но много системы Станиславского, по которой театр — превыше всего. Так что артисты если и дрожали, то от сценической страсти. Впрочем, и театр не был театром, а подмостками колхозного Дома культуры на окраине Дубоссар, райцентра на молдавском левобережье Днестра. В паре километров отсюда под Новый год на мосту через Днестр сошлись лоб в лоб местные жители и волонтеры Народного фронта, прозвучали роковые выстрелы, и три жителя Дубоссар, отцы и дети, легли на еще более стылую землю.

Время лечит. Спектакль у театра закупил колхоз «Путь Ленина», в председателем которого ходил театрал. И этот председатель по системе Кравченко считал, что в наше не очень-то разубыточное время трудовому человеку нужно улыбаться: этак, зрелища без хлеба. И зрители смеялись, глядя на альковные сражения, позабыв, надеюсь, на миг, на вечер про сражения на Днестре. Зритель, неискушенный в искусстве, верил, что артистам в их газовых одеждах не холодно, охотно аплодировал, громко и дружелюбно комментировал происходящее, и у актрисы краснели даже лодыжки.

Ладно, с выездного варианта по обе стороны ramпы много не спрашивают. На одном из спектаклей кто-то нечаянно тронул кнопку «круг», и тот поехал, руша декорации. Артистка, не эта, дру-

гая, зависла на верхотуре, держась за что-то из последних сил и сдерживая крик, рвущийся из нее. Зрители думали, что так и надо: землетрясение, небось, изображают. Занавес опустили, но зал два часа ждал, пока все восстановили. И это было дороже самой прекрасной рецензии.

...Артисты, откланявшись, переодевались в кочегарке в повседневное и без особого энтузиазма говорили, что завтра опять выезд, но теперь в воинскую часть: там, авось, топят. И так вот пять раз в неделю, чтобы продержаться — пусть не на верхотуре искусства, но на плаву жизни.

Театр зовется республиканским и русским, ставит не только комедию, но и драму и находится в Тирасполе, столичном городе на полпути между Кишиневом и Одессой. На свою сцену ар-

Но вот — сапожник без сапог, а артист — без сцены. Где-то в мае ожидается (если неторопливые подрядчики позволят) проблеск — открытие малого, на 80 зрителей, зала.

— И это, — говорит главреж, — счастье. Ведь счастье же? — добавляет он, вглядываясь в мои глаза: желает подтверждения.

Двадцать два года назад он со всем курсом, 18 человек, приехал сюда, в Тирасполь. За эти годы из актеров «переманились» в режиссеры, а из курса осталось лишь четверо. Пути-распутья. Какое-то время театр значился театром Светланы Тома, но она стала киноактрисой, звездой, уехала, а вот театр остался. Театр на центральной трассе и в то же время — в глубинке. В глубинке повседневных забот. Года два назад нечаянно заехал, а точнее —

ВОДЕВИЛЬ В ЦЫГАНСКОЙ КИБИТКЕ

тисты какой уже год не выходили, этот сезон даже не объявляли, а жили да жили, чтобы жить, — в театре идет ремонт, но дело стоять не должно. Так что автобус с водителем Толей для труппы (16 женщин и 9 мужчин) стал всем — кормильцем и поильцем тоже, а Рубинштейн, яркий типаж театра «Ромэн», по совместительству, что ли, оказался еще и предводителем того театрального табора. Под стать и зритель: летом — турбазы, зимой — колхозы. В прошлом году повезло: выпали гастроли в Белоруссию, но в Бресте театр тоже встал на ремонт, и обстановка для тираспольчан опять оказалась до тонкостей знакомой.

Вообще-то театр с хорошей репутацией и с заметным репертуаром — от Лопе де Вега до Радзинского. Года два назад на межреспубликанском фестивале «Флорар-88» тираспольчане со своим спектаклем по пьесе Ника Саймона «Последний пылкий влюбленный» получили диплом того престижного фестиваля, обойдя немало именитых и обогретых прессой театральных коллективов.

забрел, театральный критик из Ленинграда, что прибыл в Тирасполь к родственникам. Позже он напишет в статье: «Надо же, есть и такой весьма-а-а интересный ансамбль...»

— Счастье, — еще добавляет режиссер, — нужно испытывать гомеопатическими дозами, и тогда оно ощутимее. Не нужно его торопить.

Вот такой рецепт, услышанный в театральной глубинке, где спектакли, как бы распрескрасно ни были поставлены, живут от силы полгода. И еще один рецепт услышал я, теперь от директора театра Лидии Андреевны Гулько, определившей свое амплуа как «генерал поневоле и в юбке». Командует она в основном строителями. Считает, что всех руководителей города от мэра до МУРа нужно пропускать через театральную кухню, и тогда они познают, что главное в жизни — действие, то бишь — движение вперед и вперед. «От тепла в театре до малой сцены, от малой — к большой».

А ведь верное суждение. Еще в будущем малом зале лежал строительный

мусор, а Лидия Андреевна придирчиво рассматривала образец стула-банкетки для того зала, что специально готовил местный мебельный комбинат. «Нет, — говорила она, — тяжело, да и спинка коротка. Что за искусство, когда боль у зрителя в пояснице? Нет-нет, вот тут увеличьте, а вот тут уменьшите».

У Днестра — два берега. Два противостоящих берега. Это противостояние не столько географическое, сколько политическое: на одном берегу — Молдова, культурные мужики которой считают, что Москва лишь порушила ее культуру и историю, с другой — левобережье с Тирасполем — столицей на час. И здесь тоже непокой, при котором культура лишь политический козырь, а не маяк. В труппе у Рубинштейна русские и украинцы, молдаване и евреи. Все живут дружно, даже весело. «Так оно же ясно, — сказала заструпной Ирина, — у берегов — одна река, и ее не поделить...»

В спектакль, что я смотрел в Дубоссарах, ввели парнишку из молодежной студии. Он в невероятно пышном парике играл хиппи и говорил еще не театрально, а этаким смесью языков, где все акценты этого края, края на перепутье народов, соединились в один — южный.

— Ничего, — сказал Рубинштейн, — обучится. Лишь бы не простыл, — и опять добавил: — Ах, бедные-бедные...

На заборе вдоль дороги кто-то вывел крупно и навсегда проклятые убийцам дубоссарских мужиков и добавил вывод: «Все народы равны».

В театре к открытию малого зала готовили Стругацких. Режиссер Аркадий Левитский ставит «Все жиды Петрограда». Спектакль — предупреждение, что простым людям делить нечего и что пусть дерутся лишь те, кто не может поделить кресла. Людям достаточно иметь и банкетки по проекту Лидии Андреевны.

Артисты, как узналось, не простыли. Ну а мой насморк, как и положено, прошел через семь дней. Пройдет и политический насморк, а театр, дружный театр на колесах, выйдет на новый этап. В мае у него — открытие сезона. В июне — закрытие. Без открытия и закрытия театрам нельзя.

В тираспольском театре, вдруг подумалось мне, сообщая открыли рецепт морального здоровья — жить без деления на левых и правых. А что? Ведь река на всех одна. Этот рецепт прописать бы да всей стране.

Вадим ЛЕТОВ.
(Соб. корр. «ЭС»).

ТИРАСПОЛЬ.